

узнать, с ног до головы одетую так, как принято было тогда одеваться воинам. Настоящий меч был привязан ремнем к ее поясу. Вид у нее в рыцарском одеянии был ладный и складный.

Итак, дочь попрощалась с отцом после долгих объятий, резво вскочила на спину коня, а потом, не оглядываясь, чтобы от грусти на глаза не навернулись слезы, начала свое путешествие.

Долго она скакала и долго не видела вокруг ни одной души. Конь у Левенез был молодой и крепкий, все шел и шел рысью, ни капли не уставая от этого. Левенез продвигалась быстро, и около полудня всадница очутилась в темном лесу. Девушка забеспокоилась, когда оказалась под огромным дубом, поднимавшимся над ее головой как огромная арка, мешающая солнечным лучам светить на землю и давать тепло и силу плющу и жимолости, которые росли хилыми и прятались в темноте, не имея возможности вырваться наверх, к солнцу. Девушка с грустью размышляла о том, что случилось с ее старшими сестрами в этом самом лесу. Ей было тревожно и неудобно от тишины этой нехоженой чащи и от того, что где-то здесь ее поджидала неизвестная страшная беда. Но недолго угнетала эта тревога ее сердце. Постепенно страх улетучивался, и через некоторое время младшая дочь господина ар Гергоада, такая же веселая, как всегда, подъехала к источнику и увидела возле него, посреди небольшой полянки, дряхлую старушку. Эта женщина, уродливая, беззубая, протягивала девушке руку, прося у нее милостыню Христа ради. Девушка тут же соскочила с коня и привязала его к иве около воды, чтобы животное смогло утолить жажду.

Потом с почтением и состраданием она дала старушке половину своего золота и серебра, которым был набит ее кошелек. Она сказала старушке, что охотно отдала бы все из любви к Господу, другу бедняков, но не могла так поступить: впереди ее ждала длинная дорога, и по пути не один раз придется расплачиваться и за еду, и за жилье, и за корм коню. После этого она пригласила старушку разделить с ней обед, отвязала от седла кожаную сумку и вынула вкусные и приятные на вид припасы. Они перекусили, сидя рядом как добрые приятельницы.

До этого момента старушка обращалась к Левенез так, будто перед ней важный господин, но перед тем, как проститься, сказала: